

и монастыремъ, измоления ради отъ вѣчныхъ мукъ и помяновения своа души и своего роду: и дѣти твои деи нѣкотории Новгородци тѣхъ имѣннн церковные и села данаа хотять имати собѣ, а приказъ и духовные ихъ грамоты рудять, а церкви божиа грабячи, да сами тѣмъ хотять ся корыстовати. И будетъ се, сыну, такъ, какъ язъ слышу, и намъ видится, что се велми непригоже тому смятеню у васъ такъ быти церковному, занже такъ не достоить, что твоимъ дѣтемъ Новгородцомъ таковаа грубость чинити святѣй божией церкви, и мясти святою церковью, п насиллемъ грабити моастыри, и отымати имѣннн церковнаа, еже дана суть за душа умершыхъ: ино то, сыну, дѣлается такъ у васъ нечинно, да и съпротивно святѣй Божии церкви еже такъ дѣлати и чинити, чрезъ уставъ божественыхъ и священныхъ правилъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ святыхъ седми съборъ святыхъ отецъ.....»¹

Къ разряду такихъ «настырскихъ» обличений, подобныхъ указанному посланию митрополита Филиппа, мы смело можемъ отнести и нашу повесть о посаднике ПЦиле (первую книжную редакцию).

Авторъ повести, пересказывая местное благочестивое предание о лихоимце «посаднике», очевидно, имелъ въ виду техъ самыхъ «посадниковъ» и «тысяцкихъ», которыхъ обличалъ московскій митрополитъ и которые, по его словамъ «забывше божиа страха и казни его... хотять грубость чинити святѣй божией церкви... и отымати имѣннн церковнаа, еже дана суть за душа умершыхъ», — хотелъ наглядно доказать имъ спасительность церковного поминовения усоннихъ, дать понять, что даже запятнав себя многочисленными грехами, грабя и обижая сиротъ и вдовицъ, занимаясь лихоимствомъ, пытаясь неправедной милостыней обмануть бога, они все же могутъ рассчитывать на милосердие божие, и, обратившись за содействиемъ къ церкви, обрести вечное блаженство.

Это даетъ намъ право признать повесть о ПЦиле памятникомъ не только литературы въ узкомъ смысле, но и памятникомъ нашей древнерусской публицистики.

Составлена повесть была, конечно, кем-либо изъ церковниковъ, — быть можетъ по приказанию свыше — по всей вероятности незадолго до падення Новгорода и первой секуляризации новгородскихъ церковныхъ земель, именно в 50 — 60-хъ гг. XV в., в самый разгаръ того новгородскаго «церковнаго смятення», о которомъ писалъ митрополитъ Филиппъ.

¹ Пам. др.-рус. канон. права, с. 717 — 718.